

Русская мысль

Год 29. Март

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89 Русская мысль: Год 29. Март / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 418 с.

ISBN 978-5-458-02741-0

ISBN 978-5-458-02741-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ОСТРОВЪ ЗАБАТА. Дневникъ доктора Шорма-старшаго.—Повѣсть. Осипа Дымова	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Виктора Стражева	42
III. ДѢЛА БАРОЛИИ. Разсказъ Гастона Вержере.—Перев. съ французск. О. П. О.	44
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Г. Вяткина	57
V. ПРИЗРАБИ.—П. Булыгина	69
VI. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Окгурда (Жейдекшерна).—Пер. съ шведск. М. П. Благовѣщенской. <i>Окончаніе</i>	88
VII. РОССІЯ ВЪ ИТАЛІИ.—Разсказъ М. Н. Первухина	129
VIII. ИБРАГИМЪ МИХЕЛЬ. (Изъ жизни въ палестинскихъ колоніяхъ).—Карменъ.	154
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Пинуса	168
X. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ И РАБОЧИЙ КЛАССЪ.—Н. М. Минскаго	1
XI. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПАРЛАМЕНТѢ.—Г. Швиттау	28
XII. ПИСЬМА ИЗЪ ПОЛЬШИ.—А. Л. Погодина	39
XIII. ВОПРОСЫ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ ПРОГРАММѢ СЕМЕЙНАГО И ШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНІЯ.—А. Н. Бернштейна.	51
XIV. ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕЛИГІЯ.—Сергѣя Булганова.	72
XV. БЕЗОТВѢТСТВЕННОСТЬ ДЕПУТАТОВЪ.—Н. Н. Полянскаго	104
XVI. БЫЛОЕ И ГРЯДУЩЕЕ. (Бритическая замѣтка).—М. И. Лапчинской	125

	<i>Стр.</i>
XVII. ПУТИ РАЗВИТІЯ РОССІИ.—А. С. Изгоева	136
XVIII. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	157
XIX. ПАМЯТИ А. И. ЧУПРОВА.—А. А. Кизеветтера	175
XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	177
XXI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ө. К. Арнольда	188
XXII. ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛѢТОПИСИ.—Ив. Лазаревскаго . .	194
XXIII. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Вергежскаго	199
XXIV. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.—Петра Струве	207
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. И. Айхенвальда	214
XXVI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Исторія, исторія искусства. — Философія. — Политическая экономія. — Публицистика. — Педагогика. — Естествознаніе. — II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Рус- ская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1908 г.	45
XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, приѣма и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

ОСТРОВЪ ЗАКАТА.

(Дневникъ доктора Шорма-старшаго.)

Повѣсть.

Посвящаю моей жемѣ.

I.

Волны культурной жизни замираютъ здѣсь у песчаныхъ страницъ этого острова. Именно страницъ. Когда настаетъ отливъ, ровная, покойная, смиренная площадь—какъ чистая страница—появляется подъ небомъ. Сотни тысячъ мелкихъ раковинъ, морскихъ звѣздъ, студенообразныхъ медузъ, покорно умирая, пишутъ на песчаныхъ страницахъ отлива свою незамѣтную смерть. Никто тамъ—въ культурной жизни—не интересуется этимъ. Дважды въ сутки—потому что такъ складываются законы тяготѣнія—умираютъ выброшенные на влажный берегъ сотни тысячъ животныхъ, чья странная жизнь намъ совершенно неизвѣстна. Раскрытыя, словно въ мученіяхъ, раковины, какъ письма, усѣяли песчаную страницу; между скользящими, обросшими водорослями камнями копошатся безобразные, какъ кошмаръ моря, широкіе злые крабы и морскіе раки.

Когда отливъ приходится на дневные часы при солнцѣ, при совершенно голубомъ небѣ, при низкой тишинѣ—хочется плавно повторять про себя: «глубоко-окой отливъ, глубокой». Можетъ быть, одновременная нѣмая смерть сотенъ тысячъ животныхъ создаетъ эти густыя полноувѣсныя минуты великаго затишья, когда въ золотыхъ теплыхъ, пахнущихъ солью, пространствахъ, четкими, темными, важными ударами пульсируетъ сердце.

Я одинъ среди днѣя, песчанаго овса и своихъ мыслей. Нѣтъ: даже не мыслей... Я говорю длительно и строго, какъ молитву:

— Глубокой отливъ, глубокая минуты.

Мое лицо серьезно—нѣтъ, это не мысли.

Темпльмй четкимй важными ударами моего сердца уносится время. Золотой-вухлакъ солнца разжмается, вѣетъ милой прохладой; приближается море.

Сейчасъ появится высокій молодой человекъ въ синемъ костюмѣ съ женщиной. Вечеръ.

II.

Насъ здѣсь на островѣ не много, и всѣ мы—мужчины и женщины—приблизились къ тому возрасту, когда дорога нашей жизни уже наклонилась, ростъ тѣла остановился, и нечаянное пораненіе на кожѣ заживаетъ медленно, оставляя рубецъ.

Вотъ, вотъ кто-то возьметъ и повернетъ мое лицо къ закату.

Мнѣ исполнилось тридцать пять лѣтъ. Это мое послѣднее лѣто. Сейчасъ закончится молодость.

Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ я встрѣтилъ ее. Нечаянно въ случайномъ обществѣ, въ вечеръ, который, казалось, ничего не сулилъ.

Она не прислала мнѣ своей карточки, и я плохо вспоминаю ея лицо. Но такъ лучше. Память, какъ художникъ, дѣлаетъ выборъ впечатлѣній, останавливается на одномъ, вычеркиваетъ другое, и въ душѣ вырастаетъ странный образъ—присмотритесь: вырисовывается блѣдная смертная дорогая, безконечно дорогая рука; или странно видятся глаза, одни только глаза—синій бѣлокъ съ чернымъ зрачкомъ; или—это еще страннѣе!—вспоминаются легкія манящія движенія тѣла, которое само не удержано памятью.

Изъ туманнаго облака-привидѣнія, какимъ она теперь мнѣ кажется, выдѣляются ея волосы густые и нѣжные съ измѣняющимся цвѣтомъ (узелъ на темени былъ гораздо свѣтлѣе, казался фальшивымъ); верхняя губа, неправильно приподнимающаяся въ кривой улыбка, говорила... я потомъ понялъ о чемъ. Хорошо помню, какъ она ставила ноги, широко, красиво развертывая носки. Еще всматриваясь, вижу высокій ростъ съ покатыми, вѣроятно красивыми плечами, простую, вродѣ велосипедной, шапочку и непріятно-гибкіе пальцы. И покрывая все, ярко и близко—вотъ протянуть руку—вижу темные, немного выпуклые, должно быть скрытые, дорогіе смертные, безконечно дорогіе глаза.

...Что въ нихъ, въ глазахъ человѣческихъ, которые такъ жгуче волнуютъ, что не жаль жизнь, жизнь отдать—пусть взглянули бы только? Какая сила, Божія или Дьяволова въ этихъ странныхъ живыхъ, у краевъ срѣзанныхъ эллипсахъ? Не глядитъ ли кто-то другой—не человекъ уже—изъ-за раздвинувшихся вѣкъ? Какъ будто здѣсь у

самого мозга прорвалась густая завѣса матеріи—и въ образовавшіеся провалы сквозить уже что-то иное, нездѣшнее.

Чужіе глаза напоминаются до самаго послѣдняго проблеска сознанія, когда дѣти брезгливо и испуганно стоятъ у постели, и жена съ застывшимъ лицомъ глядитъ, не плачетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и дальше, когда уже потухло сознаніе и чей-то торопливый шопотъ въ сосѣдней комнатѣ говоритъ: «свѣчу, зажгите свѣчу»—все ближе и ближе запомнившіеся глаза—ширятся провалы, рвется завѣса, и мы уходимъ.

Я не могу забыть этого раннего утра тамъ, въ Городѣ, въ апрѣлѣ, когда съ сѣвера уже подступили бѣлыя ночи.

Въ гостиной досказанъ послѣдній анекдотъ. Давно пора разойтись.

— Настроенія! Давайте дѣлать настроеніе!—говоритъ мой другъ В. Б.—ъ и тушитъ электричество.

За запотѣвшимъ, тоже неславшимъ огнемъ стала видна долгая, уже синѣющая улица; у нашего подъѣзда стоитъ рядъ извозчичьихъ дрожекъ, ждетъ. Я закрываю глаза на одну секунду, не перестаю все слышать, и уже мнѣ снится. Такъ бываетъ послѣ бессонной ночи. Мнѣ снится совершенно мокрый лѣсъ, на голыхъ черныхъ вѣтвяхъ висятъ сережки. На проѣзжей дорогѣ, гдѣ бѣжитъ мутная холодная вода, стоитъ она—Шапочка, такъ случайно встрѣченная, и смотритъ. Она смотритъ въ другую сторону, но я знаю: это она ждетъ меня. Значитъ: все время, пока въ гостиной говорили и шутили, она тамъ стояла безъ шубки съ прищуренными глазами и ждала? Я открываю глаза—прошло всего полторы секунды—и вижу Шапочку у двери въ углу; она разговариваетъ съ кѣмъ-то, не глядитъ на меня, но, мнѣ кажется, видитъ. Лицо ея теперь въ утреннихъ сумеркахъ пре-красно, необыкновенно честно. У меня бьется сердце, я громко сиѣюсь и даже не стараюсь объяснить чему.

Мы ѣдемъ, я провожаю ее домой. Ночь ушла, оставивъ у желѣзныхъ палисадниковъ, у воротъ и скамеекъ сѣвера скомканныя бу-мажки. Хорошо ѣхать, положивъ руку на упругія милыя бедра рядомъ сидящей дѣвушки, переспрашивать о завтрашнемъ, т.-е. сегодняшнемъ свиданіи, нагибаться къ поблѣднѣвшему лицу, смотрѣть на брови, слишкомъ далеко раздвинутыя.

— Да? Не опоздаете? Да?

У воротъ будитъ спящаго дворника жрица свободной, т.-е. без-результатной любви. Потомъ проходитъ поэтъ, воротникъ его пальто жиднѣть, онъ видѣлъ кусочекъ жизни и убьетъ его стихотвореніемъ.

Я закрываю глаза от усталости и блаженства, вижу: въ мокромъ лѣсу у самой канавы громко поютъ двѣ птицы, иволги-самцы: «прилетѣли!». Между деревьями быстро сладостно мелькая, бѣжитъ ускользая Шапочка. И уже это не деревья, а стулья, разбросанные въ опустѣвшей гостиной, и на клавишахъ раскрытаго пианино сохнетъ вѣточка ландыша. Я раскрываю глаза, немного удивляюсь, что одинъ, мой извозчикъ покачиваясь спитъ, и мы тихо плывемъ по долгой улицѣ.

Ночь кончилась, входитъ день. И всѣ на землѣ—растения, люди и животныя—начали отбывать жизнь.

...Поэтъ тихо входитъ въ свою комнату, воротникъ его пальто поднять. Запыленные за зиму гардины позолотились лучами апрѣльскаго молодого солнца; онъ садится какъ былъ: въ шляпѣ и пальто и на обратной сторонѣ вчера полученной телеграммы начинаетъ стихотвореніе.

III.

Утромъ мы встрѣчаемся на прогулкѣ всѣ, но не говоримъ для чего мы здѣсь. Госпожѣ Финкельманъ искренно кажется, что она здѣсь для лѣченія. То обстоятельство, что насъ лѣчащихся такъ мало, ее нисколько не удивляетъ: сезонъ де окончился.

Она говоритъ:

— Я это дѣлаю не ради эстетики, а потому, что у меня ожирѣніе сердца. То-есть, можетъ развиться... Утромъ я пью натошакъ стаканъ воды... Я люблю больше холодъ, чѣмъ жаръ... Я не ѣмъ ростбифа... Что меня касается, то я не хожу въ оперу...

Она говоритъ только о себѣ—что любить и что ѣсть. Хотя никто ее не спрашиваетъ. Эта толстая добродушная, неглупая женщина—странное существо. Она ходитъ по свѣту и пожираетъ: телятъ, мужчинъ, огурцы. Это огромная исправная, великолѣпно снаряженная машина надвигается на предметы, на формы, уничтожаетъ ихъ, творить новыя. Страшная мѣшалка въ мѣсивѣ матеріи.

Г-жа Финкельманъ изъ Минска, жена присяжнаго повѣреннаго, не подозрѣваетъ своего назначенія. Конечно, она уважаемая дама, конечно, она каждый годъ бываетъ въ заграничномъ курортѣ, пудрится и носитъ тяжелыя брилліантовыя серьги, которыя прорѣзали въ ушныхъ мочкахъ длинныя щели.

Но страшные зубы машины дремлютъ въ ней, всегда готовые раскрыться, всегда голодные. У нея пятеро дѣтей, они зовутъ ее нѣжно «мамочка», пишутъ сюда письма. Но эти дѣти вырваны у сѣдью-

цаго, молчаливаго унылаго мужчины, ея мужа, у десятка телятъ, сотенъ куриць, утокъ, у деревьевъ, у огурцовъ и яблокъ, потому что все это она пожрала. Трудно даже перечислить сколько разнообразныхъ жизней убито г-жей Финкельманъ изъ Минска для того, чтобы могли появиться ея пятеро дѣтей!

Я гляжу на эту толстую здоровую, самодовольную женщину и думаю, что теперь она устала, старѣется, у нея развивается ожирѣніе сердца. Страшная машина жизни начинаетъ разваливаться, зубы пригупались, она скоро сдѣлается безвредной.

— Докторъ,—спрашиваетъ она меня и поводитъ голубыми, на выкатѣ, такими невинными, такими обычными глазами:—докторъ, можно мнѣ купаться? Я такъ люблю морскія купанья.

Я говорю, что можно, хотя при слабомъ сердцѣ это, конечно, вредно. Но пусть скорѣе разрушается страшная машина, вѣчно рождающій аппаратъ, мощная мѣшалка въ мѣсивѣ жизни,—жена прижизненнаго повѣреннаго г-жа Роза Федоровна Финкельманъ изъ Минска.

IV.

Л ъ с ъ .

Весь юго-западъ нашего острова покрытъ лѣсомъ. Если войти въ него весной, въ робкій день, сейчасъ же послѣ города, гдѣ театры и женщины съ раздвинутыми прибранными бровями, то дѣлается стыдно. Думаешь: какъ же такъ? Цѣлая зима ушла и все такое—а вотъ здѣсь лѣсъ. Лѣсъ. Все время онъ здѣсь. Должно быть, осуждается все, что тамъ, въ городѣ. Ахъ, стыдно за все, что было зимою.

Стоять деревья, какъ тихіе мудрецы, какъ успокоившіяся души, и въ строгомъ медленномъ созерцаніи совершается ихъ жизнь.

Въ растеніяхъ тихо и величаво замираетъ долго блуждавшая жизнь. Можетъ быть, въ одежду изъ коры, въ извивающіеся, темные глухіе корни вселяется душа человѣка, прежде бывшая животнымъ? И дремлетъ тамъ подъ небомъ въ открытомъ воздухѣ вмѣстѣ съ росой и гусеницами?

Въ цѣпенѣющей сонъ столѣтій погружается тогда духъ; смутно доходятъ отзвуки внѣшняго міра: вотъ выглянуло солнце, вотъ внизу глубоко за пластомъ глины бьется пульсомъ подземная вода, вотъ наклонилась земная ось къ зимѣ... Исчезъ огненный рычагъ сознательной жизни—Страданіе—и растеніямъ открылось то, что выше сознания и разума и чувства: ощущеніе космоса и его дыханія. Глубокое созерцаніе—удѣлъ мудрецовъ, превысившихъ Страданіе—охватываетъ ихъ желанной полунирваной.

Тихо свершается въ древесномъ тѣлѣ обмѣнъ веществъ, дни и ночи, лѣта и зимы слѣпымъ вѣхомъ отзываются въ ихъ долгомъ сонномъ существованіи. Время почти замерло, замерли чувства, угасли желанія, и длинный, длинный рой мыслей, обременяющій мозгъ чловѣка неизбѣжнымъ наслѣдіемъ предковъ, остался по ту сторону, сброшенъ, сброшенъ навсегда... надолго?... Закончился вѣкъ-то предопредѣленный кругъ и—вотъ деревья, вотъ лѣсъ на землѣ.

Сонное царство, счастье достигнутое. Проносится вѣтеръ, проносятся годы, исчезаютъ, срываясь, столѣтія. И когда луна восходитъ надъ лѣсомъ, кажется, что ко всѣмъ намъ—соснамъ, елиамъ и вербамъ—приходитъ давно желанный любовникъ и зоветъ и общается. Зерна небытія разбрасываетъ луна по землѣ—по землѣ, гдѣ все заковано въ смерть и преемственность, гдѣ всѣ чужды, одиноки, не знаютъ зачѣмъ и для чего посланы на огороды, въ дома и театры и маленькія станціи желѣзныхъ дорогъ.

Лѣсъ, это хоръ успокоившихся душъ. Это, если хотите—загробная жизнь наша. Философъ дѣлается сосной, проститутка—вербой или осиною и т. д.

* . *

Это вовсе не странно то, что я говорю, и есть обѣщанія и предчувствія такой жизни. Ночью, когда мы спимъ, мы похожи на деревья. И живемъ и не живемъ. Не умерли, но свободны отъ Страданія, отъ разума также. Какъ бы ускользнули отъ Времени.

Солнце заслоняетъ отъ насъ небытіе, Великій Праздникъ. Оттого ночь такъ желанна. Оттого въ тѣни, когда исчезаетъ солнце, насъ охватываетъ сонъ.

Выползаютъ тѣни и всѣ вмѣстѣ сливаются въ темную желанную прежнюю, какою-то *прежнюю* ночь. И у нея во лбу луна... Медленно, какъ замерзающій ручей, катится потокъ времени. Исполняется чье-то дальнее обѣщаніе. И вотъ на всю землю, на дома и людей, на рыбъ и животныхъ надвигается Духъ лѣса и зачаровываетъ. Все живое обращается въ деревья съ ихъ темнымъ цѣпенѣющимъ созерцаемъ, съ ихъ тихимъ сномъ, куда глухо стучится внѣшняя жизнь.

Ночью мы не одиноки. Только ночью не одиноки. Духъ лѣса—Великій Зеленый Духъ—преддверіе небытія—принялъ насъ въ свое лоно; надъ нами звѣздное небо, надъ нами глазъ ночи—луна. Смутно сквозь сказки тѣней чуемъ какъ стучится смерть, т. е. то самое, что здѣсь зовется жизнью: свѣтъ, сознание. Это въ столовой звонко бьютъ старинные часы и кто-то стонетъ за стѣной.

Проснулись. Солнце. И необходимость, неизбѣжность существованія, и круги времени и пространства, словно петли, сторожатъ насъ

у измятаго изголовья и, какъ только открываемъ глаза, бросаются на насъ, начинаютъ пожирать.

Лѣсъ далеко тамъ гдѣ-то на окраинѣ, за полями и рѣкой. Мы проснулись здѣсь, на землѣ отъ Долгаго Сна, говоримъ толстой, добродушной, неглупой женщиной: «мамочка», пишемъ ей письма, когда она въ отъѣздѣ...

День накидываетъ на насъ смертную петлю. Вотъ уже принесли газету.

V.

Письмо отъ нея.

«...14 юля. Ночь.

«Я сижу одна въ комнатѣ, окно закрыто. Мнѣ кажется, если я выйду на улицу, то за угломъ непременно встрѣчу васъ, васъ, который поцѣловалъ мое сердце.

«Мои обѣ голыя руки на столѣ. Я поднимаю то одну, то другую и цѣлую ихъ долго съ закрытыми глазами. Я говорю имъ: милыя руки, сестры мои, вы привели его ко мнѣ, онъ любить васъ, вы отдали его мнѣ, милыя мои сестры. Онѣ руки раньше были моими, только моими, и потому я не видѣла ихъ красоты, не думала о нихъ, но теперь онѣ ваши—наши общія—и я люблюсь ими каждый вечеръ и утромъ, когда никто не видитъ. Если кто-нибудь пройдетъ мимо окна, онъ увидитъ высокую дѣвушку, стоящую среди комнаты и медленно цѣлющую свои голыя руки. Что же онъ скажетъ? Онъ скажетъ: «она любить». А вдругъ вы придете—вы вѣдь знаете мое окно—подойдете неслышно и скажете: «она любитъ меня».

Зачѣмъ вы далеко уѣхали?»

Она подписывается такъ, какъ я ее называю—«Шапочка». Почеркъ у нея правильный, крупный, четкій—даже какъ бы неприятно четкій, мужской. Ея письма я читаю три раза: сначала бѣгло тутъ же на порогѣ или на улицѣ, гдѣ письмо застанеть, потомъ тихо и внимательно на берегу или въ дюнахъ. И на другой день утромъ въ послѣдній разъ. Собственно тогда я уже хороню его.

«Милыя руки, сестры мои»—читалъ я на берегу при глубокомъ отливѣ и слышалъ сзади шорохъ; шла женщина, та, что постоянно сопровождаетъ высокаго молодого человѣка въ синемъ. Не знаю почему я быстро спряталъ листокъ въ карманъ. Но она замѣтила. Я понялъ это по тому, что она покраснѣла, опустила голову и запнувшись быстро прошла.

Бываетъ такъ, что самыя сокровенныя мысли другого человѣка вдругъ непонятнымъ ясновидѣніемъ прочтываются нами. Именно самыя затаенныя, которыя наиболѣе хотѣлъ бы скрыть. Усилія воли, стремящія подавить мысль, дѣлаютъ ее напряженной, упругой, и она воспринимается другимъ мозгомъ, какъ перехваченная телеграмма.

Я узналъ эту глубоко скрытую мысль прошедшей женщины, о которой вовсе не думалъ. Совершенно неожиданно раскрылась мнѣ ея душа, и, не обмѣнявшись ни словомъ, я свободно читалъ цѣлыя главы изъ жизни этой совершенно чужой, говорящей на чужомъ языкѣ, никогда раньше мною не видѣнной женщины.

Я глядѣлъ ей вслѣдъ и вдругъ увидѣлъ, что она была стройна и сложена, какъ дѣвушка. Я вспомнилъ ея лицо некрасивое съ широкимъ ртомъ, въ веснушкахъ, съ бѣлками глазъ въ тоненькихъ красныхъ жилкахъ.

— Ея лицу тридцать два года, а можетъ быть больше. Но тѣлу, ногамъ и упругой груди не болѣе двадцати. Какое странное существо.

Она не оглянулась, но по тому, какъ, вывернувъ лѣвую руку, поправила выбившіеся на затылкѣ волосы, я понялъ, что она чувствуетъ, что я гляжу на нее и еще—что знаю то, что она это чувствуетъ.

... Вотъ она прошла, ея нѣтъ, я читаю письмо Шапочки. Мнѣ кажется, что оно стало меньше, мельче, суше. Какъ будто мимо прошедшая женщина съ тридцатидвухлѣтнимъ лицомъ и молодымъ тѣломъ вынула изъ него что-то, унесла съ собой.

Вечеромъ госпожа Финкельманъ мнѣ объясняетъ: высочій молодой человѣкъ нездоровъ и женщина—это его сестра милосердія, нѣмка Фредерика.

— Докторъ, я чувствую головокруженіе послѣ купанья—говорить она.

— Моя жена чувствуетъ головокруженіе послѣ купанья—повторяетъ мужъ Осипъ Ильичъ.

— Это пройдетъ,—говорю я: продолжайте.

Мы гуляемъ по хрустящему песку воѣ втроемъ. Я смотрю на съдоватаго унылаго человѣка съ узкими плечами и думаю, что онъ неосторожно разбудилъ спавшую машину, тронулъ винты, задѣлъ колеса, и вотъ она, медленно двинувшись, вошла, вонзилась въ жизнь, и пожирая завоевываетъ землю. И проглотитъ также того, кто разбудилъ ее. Таково это страшное чудовище.